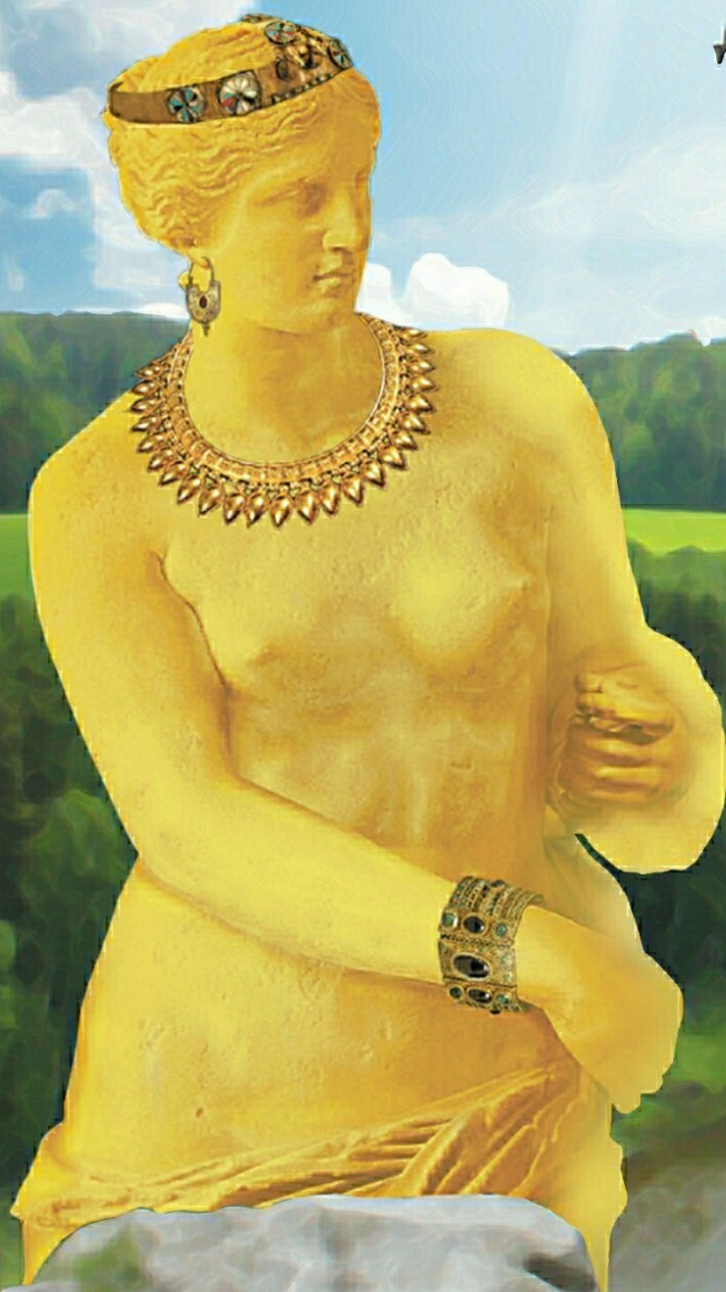

ЗОЛОТАЯ ХОЗЯЙКА Липовой горы

Дмитрий
Сивков

18+

«Код да Винчи»

Дмитрий Сивков

Золотая хозяйка Липовой горы

«Автор»

2018

Сивков Д. С.

Золотая хозяйка Липовой горы / Д. С. Сивков — «Автор», 2018

Журналист по прозвищу Чемодан становится обладателем «ключа» к тайне местонахождения рук Венеры Милосской. Охоту за ними много лет ведут тайное общество, церковь и криминальный мир: одни – с целью вернуть изваянию прежнюю божественную силу, другие видят в этом предвестие Апокалипсиса и хотят воспрепятствовать этому, третьими движет жажда наживы. Мистическая история шедевра мирового искусства, ставшего прототипом героини мифов народов Урала и Сибири о Золотой Бабе, увлекательна и трагична... Сам журналист пропадет, но друзья публикуют его записи.

© Сивков Д. С., 2018

© Автор, 2018

«Золотая хозяйка Липовой горы»
(Записки пропавшего журналиста)

Исходный материал:

- тетрадь №1. «Общая», ученическая, в клетку (96 листов. Обложка черная, клеенчатая. На форзаце – перечеркнутое слово «Роман». Исписана полностью);
- тетрадь №2. «Общая», ученическая, в клетку (96 листов. Обложка темно-синяя, ламинированный картон, без подписи. Исписана на 3/4);
- ксерокопия газетной публикации от 16 июня 2017 года;
- фотографии с подписями на обратной стороне (размер 9х12 см, 10 шт);
- сопроводительное письмо.

Тетрадь №1

Записи двух видов: одни производят впечатление дневниковых, другие – художественный текст (в процессе набора он помечен курсивом).

3 августа 2017 года

– Чемодан! Ни хрена себе! Да чтоб я сдох!

Слышишь такое – и солнечный променад Пионерского курорта, изогнувшегося янтарной россыпью вдоль балтийского берега, начинает превращаться в подворотню за уральским сельским продмагом, окропленную креплёным вином вперемешку с пивом. Это сон? Если да, то нужно срочно проснуться, стать Георгием Петровичем, который вдохновенно посвящает спутницу в суровые условия жизни за Полярным кругом, перемежая повествование декламацией «Северной надбавки» Евтушенко.

Но голос Егора раздавался в самой что ни на есть яви.

– Чемодан, аллё! Георгий Петрович, он же Гога, он же Гоша, он же Жора... Ты что, оглох? Кричу ему, кричу... – мощная лапа легла на моё плечо, как фельдмаршальский эполет.

– Александр... Борисович! Какими судьбами здесь?

– Да ты чё, Чемодан, какой на хрен Бо-ри-со-вич?! Это же я – Егор, Санёк Егоров! Неделю тут в ведомственной санатории. Сам-то давно из Ебурга?!

С этими словами старый друг схватил меня и приобнял. Со стороны это могло выглядеть как схватка сумоиста с тщедушным раздатчиком флаеров. Насытившись моментом, Егор ослабил хватку и, всё ещё не отпуская добычи, сделал пол-оборота в сторону моей спутницы. Та отпрянула.

На эту особу я уже часа полтора старался произвести впечатление. Одинокая, моложавая, она с интересом наблюдала, как курортники на пирсе кормят летящих чаек, подкидывая куски хлеба. Как пройдёшь мимо? Я заглянул в закуток шашлычной, у златозубого оптимиста обменял на сотню четверть буханки, разломал её на крупные куски и молча поднёс в пригоршнях даме.

Если кто-то подумает, что мы просто кидали в небо горбушку серого, то он мало что вообще смыслит в этой жизни. Мы вместе кормили птиц.

Я представился – сам не знаю почему – по фамилии, имени, отчеству. Она, помедлив, ограничилась именем. Оставалось закрепить успех рассказами о суровых буднях за шестьдесят девятой параллелью (не зря в молодости несколько лет отбатрачил в Мурманском траловом флоте):

За что эта северная надбавка!

За —

вдавливаемые

вьюгой

внутри

*глаза,
за —
морозы такие,
что кожа на лицах,
как будто кирза...*

Уже казалось, что моя нечаянная спутница не прочь завести необременительные отношения с общительным и с виду интеллигентным мужчиной. Но теперь её мимика отражала целый калейдоскоп чувств: превращение Георгия Петровича в Жору Чемодана резко поменяло планы. Женщина что-то придумала про забытый в номере телефон и поспешно скрылась.

– Ну извини, дружище... – по моему взгляду Александр Борисович обо всём догадался.

– Вот что, дедушка, неплохо бы вина выпить, – первое, что пришло мне на ум, когда Татьяна растворилась в толпе курортников.

– Узнаю! Узнаю брата Колю!

– Называйте меня ситуайен, что по-французски означает «гражданин», – я завершил обмен фразами из «Золотого телёнка», словно паролками из молодости, и добавил уже от себя: – Тем более что тебе, менту, к такому обращению не привыкать.

Ну вот что я за человек? Вроде решил писать дневник, а вместо этого вспомнил про Александра Борисовича. Ныне заместитель начальника областного полицейского главка весом далеко за центнер, а в нашей прошлой жизни – стройняга Саня Егоров, или просто Егор, – появился в повествовании будто специально, чтобы представить меня. Да, всё так: я – Георгий Петрович по прозвищу Чемодан. И это прозвище досталось мне в наследство от всех мужчин трех поколений рода Кирилловых: от прадеда Василия Ивановича к деду Григорию Васильевичу, от него – к отцу Петру Григорьевичу, а от него ко мне, Георгию Петровичу.

В начале двадцатого века на месте нынешнего посёлка Визь в Шаринском районе, на одном из ответвлений знаменитого Сибирского тракта, располагалась почтовая станция. На ней-то и промышлял извозом Василий Кириллов. Семейная легенда гласит, что в каждый приезд на железнодорожный завод, расположенный неподалёку, Василия неизменно занимала одна барыня. Ямщик был видный, ездил расторопно, лошадей и экипаж содержал как следует. Тем и приглянулся, несмотря на один изъян – матерился без удержу. Но клиентка нашла способ отучить ямщика через слово вставлять мать-перемать.

– Всем ты хорош, Василий Иванович, ничего не скажу. Иначе бы чего ради только тебя, да ещё и с приплатой, занимала? Но терпелу моего уже не стаёт, придётся нам с тобой расставаться, – решила как-то прояснить отношения барыня.

– Чё же так? Аль чем не угодил?

– Уж больно ты сквернословить горазд – через слово... Не для моих ушей всё это...

– Да как же, барыня, со скотинкой иначе справишься? Она же по-хорошему-то не понимает.

– Так и не давай ей спуска, только не сквернословь. А уж не в мочь – то хоть заменяй бранные слова на какие другие.

– Скажете тоже... Какое же другое может подойти?

– Да хоть... – взгляд её упал на облучок, к которому была приторочена поклажа, – на «чемодан»!

– Можно и попробовать, – согласился возница и, привстав, стеганул вожжами и разродился в адрес лошадей обширной тирадой, обильно пересыпанной словосочетанием «чемодан, ити мать».

Одним словом – исправился. И понеслось! Потом прижилось. И даже когда Василий Иванович лишился своего ремесла (ветвь Сибирского тракта, разрезанная «железкой» Транссиба, умерла, словно обескровленный организм), его не перестали звать Чемоданом. А за ним – его

детей и внуков. Кличка переходила из поколения в поколение по мужской линии наравне с фамилией. И если где за пределами малой родины, куда не долетала визьявская молва, Кирилловым удавалось отцепить не особо лестное прозвище, то по возвращении в родные края вместе с привычными видами уральской тайги, вплотную подступавшей к Транссибу и окрестностям, ждало и неотлипаемое «Чемодан!».

Первоначальный смысл прозвища канул в Лету вместе с Василием Ивановичем. Насколько и в чём ему соответствовали остальные «Чемоданы», мне ничего известно не было. А вот мой отец отличался тягой к перемене мест: немало покочесил по Стране Советов. На каждом новом месте батя брался за постройку дома: всего их было пять. Но каждый раз, едва обустроившись и наладив жизнь, он – по ему одному известным причинам – срывался с места. Не торгуясь, Петр продавал новострой – и, едва получив аванс, с чемоданом наперевес исчезал в чрево общего вагона. Дождавшись «вызова» по новому адресу, отбывало и семейство. Остепенился, только когда родился четвёртый ребёнок – сын Георгий, по-простому – Жорка. Когда мне было полтора года, отец в последний раз собрал чемоданишко и сорвался в сторону малой родины – там мы и обосновались окончательно.

Родовое прозвище я оправдывал тем, что постоянно что-то собирал: сначала старые вещи, монеты, позже это стали какие-то истории, знания. Все слышанные от кого-то когда-то байки, прочитанные вскользь книги, статьи в энциклопедиях словно оседали в чемодане моей памяти. И если бы не он, я так бы и не понял, что произошло летом 2017 года.

5 августа 2017 года

Тук... тук-тук-тук... тук-тук... тук... тук-тук-тук... тук-тук... тук... тук-тук-тук... тук-тук...

Дятел в то субботнее утро был сущим наказанием. И наказанием за известный грех, имя которому – перепой. Я надеялся поспать как минимум до обеда, а потому даже отключил телефон. Минут через двадцать я всё-таки сдался. И, заглянув в зеркало заднего вида от КамАЗа, прикреплённое к окошку (этакий сельский домофон), понял, что стучит вовсе не дятел.

В ворота с поразительной настойчивостью долбился незнакомый мужчина. Орудовал он, скорее всего, ключами от «Рено Логан», что стоял на дороге. И его облик плохо вязался с автомобилем, на котором он приехал.

Незванный гость выглядел так, будто самое место ему было за рулём «Ленд Ровера», ну, или как минимум «Тойоты-Камри». Одет презентабельно, но без пижонского лоска: классические коричневые туфли, костюм серого цвета в белую крапинку (тонкий кашемир слегка пожёван от долгого сидения в автокресле), голубая рубашка из материи плотной текстуры с двойными французскими манжетами под запонки. А сами запонки – серебряные, со вставками из сердолика. В одной руке кейс (раньше их у нас называли «дипломатами») из крокодиловой кожи. Короче, человек из «Рено» меньше всего походил на продавца моющих пылесосов и самозатачивающихся ножей. Типом лица он напоминал зрелого Роберта де Ниро, разве что губы были более пухлыми, да и сам – чуть грузнее.

Я предстал перед ним не в самом лучшем виде: заспанный, два дня не бритый, в одних джинсах и с запахом изо рта, способным удерживать на расстоянии вытянутой руки любых кровососущих насекомых.

– Вы, надо полагать, лев? – вместо приветствия произнес я.

– Впечатляюще! – воскликнул незнакомец. – И здравствуйте, Георгий Петрович. Действительно, я – Лев... Николаевич. Как вы это поняли?

– Да не кричите вы так, – поморщился я. – Просто у вас запонки с сердоликом, а это камень Льва по знаку Зодиака.

– Чувствуется журналистская хватка. Кстати, меня привела сюда из столицы одна из ваших публикаций.

– Прямо на этом приехали? – кивнул я на «Логан» с местными номерами.

– К счастью, нет. До Екатеринбурга добрался самолётом, там взял машину напрокат. Ехал и думал: какая превосходнейшая природа в ваших краях!

И только я настроился выслушать заезженную арию про уральские горы, которую исполняет едва ли не каждый приезжий, как гость твердо поинтересовался:

– Не пригласите войти?

– Приглашу, – обреченно вздохнул я, – но чуть позднее – сначала хочу прийти в себя. Вчера нехоти истреблял зеленого змия. И думал, что преуспел, – однако сейчас засомневался.

– Значит, у вас я буду в... час, – твердо кивнул Лев Николаевич.

Пауза ему была нужна для того, чтобы бросить взгляд на часы, движением руки явленные из-под манжет. Они были неброские с виду, только циферблат украшал миниатюрный мальтийский крест фирмы «Vacheron Constantin».

Спровадив незваного гостя, я взялся за уборку в гостиной, где сегодня ночью закончилось празднование дня рождения бухгалтера нашей еженедельной газеты. Заодно отметили мой долгожданный отпуск.

По пустым бутылкам можно было без труда восстановить ход событий. Водка «Столичная» и полусладкое «Саперави» – традиционный гендерный расклад. Пиво появилось позднее по настоянию выпускающего редактора, пожелавшего полирнуть по пути на берег пруда. Тогда же явилось сухое красное «Мерло» – как непрменный атрибут к мясу на углях (чью роль с успехом исполнили сардельки). Слабоалкогольные напитки брались с запасом, ведь «в тайге мороженого нам не подадут». Кто-то из барышень решился повысить градус, не изменяя виноградной лозе, – так образовался коньяк «Лезгинка». За счёт примкнувших к нашей компании на берегу знакомых именинницы ассортимент выпивки пополнился ординарным виски и «Пепси-колой». По возвращении в поселок я пригласил всех, кто остался в строю, на кофе «похемингуэевски» с кальвадосом (после купания в не самой приветливой воде на исходе уральского лета у меня разыгралась фантазия). К этому рецепту автор «Прощай, оружие!» имел отношения не больше, чем к краснодарскому чаю. В шаринских магазинах, как и следовало ожидать, кальвадоса не держали в виду отсутствия спроса – зато почему-то держали граппу. Пришлось сослаться на никогда не существовавшие свидетельства Скотта Фицджеральда, что в исключительных случаях Хэм пользовал виноградную самогонку вместо яблочной...

Уборка – это наипервейшее средство от похмелья. Взбодриться и отвлечься удалось, слегка вспотеть – тоже. Затем поднял тонус контрастным душем. А вот бриться не стал – раз пропустил это в последний рабочий день, то отпуск начинать с обязательки тем более не стоило. К тому же закончилась пена для бритья, а мыло превращало ритуал в процедуру.

Посмотрелся на себя в зеркало. Ну прям Клинт Иствуд времён вестернов – хоть и с пробивающейся сединой, но всё ещё явно рыжий с голубыми глазами. Высокий, плотного телосложения. От трёх курсов военного училища и года срочной службы осталась выправка, по которой офицеры-запасники часто признают за своего. Оттуда же, вкупе с опытом матроса рыболовецкого траулера, привычка к порядку. На крышке бутылочки «Faigu» на моей кухне не растут синие сталагмиты.

Обжигающая глазунья с колбасой и свежезаваренным чаем завершили восстановительные процедуры. К повторному визиту Льва Николаевича я был в порядке. Мне было всё равно, по какому поводу он ко мне явился, – планов на первый день отпуска у меня не было всё равно. Так почему бы и не поболтать?

– Если можно, я не буду снимать обувь, – Лев Николаевич скорее поставил в известность, чем спросил разрешения. – Видите ли, в тапочках чувствую себя словно босым.

– Валяйте, – согласился я без особого энтузиазма.

Правда, тут же взял реванш за бесцеремонно попираемые плоды моего труда: представил себе, что не разуваются столичный хлыщ потому, что у него просто дырявые носки. Хуже могут быть только аккуратно заштопанные, но до такой степени неприязни я себя распалать не стал.

– Дороги у вас прям как в Альпах, – Лев Николаевич, или как там его на самом деле, уместившись в кресле, решил-таки закончить прерванную прежде арию заморского гостя. – Мне есть с чем сравнивать, ведь доводилось водить и в тех местах. Не зря я где-то читал, что ваши края называют уральской Швейцарией...

– Давайте без прелюдий, – прервал я трёп гостя. – Какая именно из моих статей вас сюда привела?

– «Оружейный клад древних угров», опубликованная в июне в «Уральской газете».

– Занимаетесь историей или этнографией?

– В общем понимании – нет, но в определённом смысле – и то и другое. К чему можно добавить культурологию, религиоведение и ещё ряд научных направлений...

– Сразу должен сказать, что самого оружия у меня на руках нет. После гибели человека, который его обнаружил, я передал всё в районный краеведческий музей.

– Георгий Петрович... – гость скорчил гримасу – так, словно языком пытался выковырять забившееся между зубами мясо. – Дело ведь не столько в самих ржавых железках... Сама история с этой вашей находкой не так проста, как кажется на первый взгляд. Впрочем, думаю, вы и сами кое о чём догадываетесь. Но я могу вас посвятить в самую что ни на есть тайну, связанную с этим оружием. Только не сразу. И ещё – разрешите мне курить в доме, чтобы не отвлекаться?

В знак согласия я распахнул одно из окон в гостиной и заварил гостю кофе. С появлением специального молотого для заваривания в чашке делать это стало весьма просто.

Лев Николаевич достал из кейса планшет и передал мне. На 11-дюймовом экране виднелась старинная на вид карта с подписью: «За Обью, у Золотой Бабы, где Обь впадает в океан, текут реки Сосьва, Березва и Данадым, которые все берут начало из горы Камень Большого Пояса и соединенных с ней скал. Золотая Баба, то есть Золотая Старуха, есть идол у устьев Оби, в области Обдоре. Рассказывают, что этот идол Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже снова виден другой ребенок, который, говорят, её внук. Кроме того, уверяют, что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук вроде трубного».

– Золотая Баба, – Лев Николаевич призадумался. – Все о ней слышали, но никто не видел. Непонятно происхождение этого идола – и неясно, существовал ли он на самом деле.

Собственно, весь монолог гостя был посвящен этому таинственному золотому божеству. Вернее, его поискам.

– Целые народы признавали ее божеством: Юмала, Золотая Старуха, Злата Майя, Калтась, Гуань Инь, Дьес Эмигет – Медная Статуя, Сорни Эква – Золотая Женщина, Сорни Най – Золотая Владычица, или, в просторечье, Золотая Баба – вот её имена. Что мы о ней знаем? Это некое божество северных народов – угров, вогулов и остяков, предков нынешних хантов и манси. Одни утверждали, что она – наследница Гипербореи, другие – что это изваяние тибетской буддийской богини бессмертия Гуань Инь, выражающей суть бодхисатвы (буквально – «существо, стремящееся к просветлению») Авалокитешвары.

Как всякую особую женщину, её все хотят заполучить – и безуспешно. Скандинавские саги повествуют о трёх набегах викингов в девятом, десятом и одиннадцатом веках на Биармию (так они называли северо-восток нынешней России), целью которых было завладеть золотым божеством. Одна из саг рассказывает о том, как воины с большим трудом добрались до святыни, но поживиться не успели – появилась стража идола и перебила почти всех викингов. Оставшимся в живых пришлось срочно отступать.

Новгородские молодцы-ушкуйники объединялись в лихие дружины и тоже отправлялись попытать счастье в походах за золотым кумиром. Позже, на рубеже XV—XVI веков, Семен Курбский с Петром Ушатым и Василием Гавриловым, собрав порядка пяти тысяч воинов, предприняли попытку завоевать югорские земли. Войско (его основная часть состояла из русских – с берегов Северной Двины, устюжан, вятичей, вологжан, к которым примкнули татары и мордва) выдвинулось на покорение северных земель и вернулось в столицу в 1500 году не только с победами, давшими право Ивану III добавить к своему титулу звание «князя Югорского, Обдорского и Кондийского», но и с рассказами о Золотой Бабе.

Помимо этого данные участников похода Курбского стали основой «Указателя пути в Печору, Югру и к реке Оби», а он в свою очередь, наравне с другими географическими и этнографическими материалами, лёг в основу книги «Записки о московитских делах». Её автор – барон Зигмунд фон Герберштейн, посол императора Священной Римской империи Максимилиана I при дворе великого князя Василия III. К фолианту, написанному на латыни и изданному в 1549 году, прилагалась карта Московского государства. Её-то вы и видите на планшете. Долгое время она служила основным источником информации о русских землях для европейцев. Одна из пометок этой карты весьма примечательна – между рекой Обь и Уральскими горами изображена женщина с указательной надписью «Slata Вава». Сама дама, к слову сказать, весьма отличалась от словесного описания – вполне такая европейская матрона без каких-либо анатомических подробностей.

Согласно преданиям, обладателю богини безоговорочно подчинялись поклонявшиеся ей племена. Именно поэтому образ Золотой Бабы не давал покоя и Ермаку Тимофеевичу – атаман ставил своей главной целью именно приведение сибирских народов под присягу русскому царю. «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская» сообщает, что Ермак в марте 1582 года послал Ивана Брязгу с отрядом вниз по Иртышу и Оби, к городищу Нимьян. Там, как донёс осведомитель из местных, находился заветный идол. Взять городок ушкуйникам Ермака не составило труда, однако Золотой Бабы они там не нашли. Вот только доложить о провале экспедиции атаману Брязге не довелось: на обратном пути его отряд попал в засаду и был полностью уничтожен. Была ли это месть Сорни Най? Местные племена в этом не сомневались – как и в том, что через три года за дерзость и попытку похищения богини поплатился и сам Ермак.

Разыскивали Сорни Най и христианские миссионеры. У них был свой интерес: найти и уничтожить, чтобы пресечь поклонение идолу. К ужасу современников, в те тёмные времена в веру народы обращали не идеалисты-духовники, а материалисты, особо не троящие время на уговоры.

Так, Стефан Пермский (впоследствии причисленный Русской церковью к лику святых) в 1384 году предпринял ряд решительных мер по искоренению язычества в селениях по рекам Вычегде, Вымь и Сыsole: «Разъярился владыка Стефан на кумирницы пермские поганые, истуканные, изваянные, издолбленные боги их в конец сокрушил, раскопал, огнем пожегл, топором посекал, сокрушил обухом, испепелил без остатку», – говорится в «Житии Стефана Пермского», написанном неким Епифанием вскоре после кончины епископа в 1396 году. Считается, что после этого божество перенесли далее на север.

Вплоть до Октябрьской революции и прихода к власти большевиков церковь не оставляла надежды отыскать злополучное изваяние. Организационным центром этих поисков стал основанный на берегу реки Обь ещё в 1657 году Кондинский монастырь. Задачу братии делало невыполнимой то, что даже самые, казалось бы, истинные христиане-аборигены оставались втайне поклонниками Золотой Бабы. Так, монахи в 1757 году выявили среди самых богобоязненных прихожан... трёх сборщиков дани для Сорни Най.

С приходом к власти безбожников-коммунистов охотники завладеть золотой богиней не перевелись. Бытует легенда, что одному революционеру, отбывавшему ссылку в сибирских лесах, удалось-таки расположить к себе хранителей Сорни Най, и те позволили её лицезреть

чужеземцу-иноверцу. И эта встреча полностью изменила его жизнь. Ссылного революционера звали Иосиф Джугашвили, который был известен всему миру как Сталин.

– Как видите, мифы могут быть пространными и очень живучими, – подытожил Лев Николаевич. – Особенно если учитывать, что все эти охотники за Золотой Бабой (пожалуй, лишь за исключением участников первых походов викингов) гонялись за призраком. Нет, Сорни Най действительно существовала! Но в конце первого тысячелетия её уже увезли с территории Урала. Вот только поиски идола нужно было вести не на севере или на северо-востоке, а в противоположном направлении. Не в Сибири, а... в Европе, Георгий Петрович.

Я заинтригованно молчал, и, кажется, гость наслаждался этой паузой. Но вместо того чтобы объяснить свое странное предположение, Лев Николаевич (как и положено Шахрезаде) решил раскланяться:

– Впрочем, кажется, я уже извёл вас своей болтовней. Может, завтра снова пригласите меня на кофе?

– Не откажусь, умного человека всегда приятно послушать. Только вот бы ещё понять, к чему вот этот ваш визит и эти истории, Лев Николаевич.

– Скоро узнаете, обещаю вам.

Уже когда я проводил гостя до ворот и, немного повозившись с засовом, распахнул их перед гостем, не смог удержаться от вопроса:

– Где преподаёте? Я бы с удовольствием посетил ваши лекции.

Мужчина слегка замешкался, словно запнулся о порог, но быстро нашёлся и с укорительной улыбкой, слегка покачав головой (что за бестактность, я был о вас лучшего мнения!) сухо ответил:

– В одном из столичных вузов... Но не думаю, что мои лекции увлекут вас. Я преподаю молекулярную биологию. А чему вы удивляетесь? Есть работа, есть и служение.

Молочный горн

Большие лодки без парусов, ощерившиеся рядами вёсел, двигались по речной глади почти бесшумно. Гребцы с идеальной синхронностью, отработанной за долгое плавание, безо всякого плеска разрезали вёслами холодную, казалось бы, густую, как кисель, воду. Зачерпнёшь такую попить – и от неё словно напахнёт холодным железом, как у залежавшихся в ножнах и колчанах наконечники стрелы или клинка меча.

Чем дальше Сельвуна, как называли местные племена эту реку, уводила угров от покорённой ими Империи, тем мрачнее становились берега. Воздух смыкался над бесстрашным воинством зябкой пеленой – сквозь неё даже солнце порой не могло донести своего радостного света, а луна постоянно изливала непонятную всеобъемлющую тревогу.

Главный струг (как называли лодки сами угры, переняв это название от их строителей – викингов) вождя Чекура шёл посредине армады. Сменившиеся гребцы дремали, набираясь сил. Латинянин Петро не спал – его память бередили воспоминания о прошлой, казалось, совсем из другого мира, жизни – и тревожно прислушивался к кашлю вождя.

– Молока бы тебе горячего, – наконец предложил он Чекуру, положив руку на его плечо. – В этих землях даже от погоды не жди гостеприимства, а ты ещё и спишь рядом с этой каменной статуей, она всё тепло из тебя забирает...

– Я горн и сам знаю, как хворь свести, – рыкнул Чекур. – А если ты, пёс, ещё раз назовёшь Вальгу статуей, я прикажу Хомче отрезать твой поганый язык.

Услышав своё имя, одноглазый гигант на время перестал грести, несколько мгновений выжидал, потом подмигнул и улыбнулся Петро, обнажив желтые, крупные, как у лошади, зубы.

Улыбка этого циклопообразного существа была способна нагнать икоту. За два года Петро так и не привык к ней.

Чекур недолго думая натянул до носа покрывало из соболиных шкур и постарался задремать. Но уснуть не мог: он думал о том, что река Сельвуна уже точно не приведёт их в родные края, как он рассчитывал. Придётся зимовать на её берегах. Не за горами пора, когда реку может сковать льдом, поэтому нельзя медлить с выбором городища и, возможно, не только для зимовки. Как бы вообще не пришлось обосноваться здесь. Тогда тем более следовало как можно быстрее явить и своим уграм, и местным племенам новую богиню Вальгу. Именно она должна объединить тех, кто поклоняется многочисленным каменным и деревянным идолам в здешних лесах.

«Да, молоко бы мне сейчас не помешало, – думал Чекур. – Оно бы определенно пошло на пользу». Впрочем, одна только мысль о молоке согрела изнутри сурового воина. И было от чего – сам великий Аттила нарёк его однажды Молочным горном. Это случилось в начале похода гуннов на Фракию и Иллирию, во время которого они разрушили немало городов и крепостей, дошли до знаменитых Фермопил и приблизились к окрестностям Константинополя...

Аттила и Блед были наследниками гуннского кагана. Однажды он погиб в бою, и заботу о братьях взял на себя их родной дядя Ругилла. Когда же он скончался, наследники сцепились в борьбе за власть. На кону стояла судьба огромной территории: от Кавказа до Рейна, от датских островов до правого берега Дуная.

Братья были изначально очень разными людьми. Аттила жил мыслью о великом походе на земли, примыкающие к тёплым морям, которые принадлежали Византийской и Римской империям. Он мечтал разорять, грабить и подчинять себе многие народы. А его старший брат Блед противился войнам и хотел мирной жизни для гуннов. Долго уживаться эти две разные стратегии не могли: у гуманистов в конфликте интересов всегда меньше шансов – Аттила убил единокровного соправителя и захватил трон. Почти сразу он уничтожил всех, кто был предан его дяде и брату. И начал присматривать себе верных сторонников среди вождей разных племен.

Так в его поле зрения попал Чекур.

Когда гунны вторглись во Фракию, оказавшуюся в начале пути великого похода, их непобедимая военная мощь дала сбой: армориканцы, воевавшие на стороне финикийцев, применили новое оружие. Их стрелы и копья оказались смазаны тайным ядом, и даже незначительное ранение выводило гуннов из строя: тела покрывались пятнами, вызывающими нестерпимый зуд и боль. Люди падали прямо на поле боя, извиваясь в страшных муках. А убить корчащегося на земле воина было не сложнее, чем старуху или ребёнка.

Аттила был в отчаянии и ярости. И тут ему шепнули, что один из вождей, Чекур, является горном, как называют угры шаманов, который владеет особой силой. Аттила немедленно велел привести его. В свете отблесков пламени многочисленных светильников Чекур разглядел массивный деревянный трон, украшенный искусной резьбой. Сфинксы, драконы, львы и орлы восседали, крались, скалились и парили от подножия до подлокотников и спинки в два человеческих роста.

– Небо – Кок Тенгри, земли – Аттиле! – произнося приветствие, Чекур возвёл вверх обе руки, потом провел ладонями по лицу и соединил их у груди, ожидая слов кагана. Тот начал с вопроса:

– А скажи-ка нам, Чекур, зачем я тебя позвал? Ты, говорят, шаман – горн по-вашему, а потому тайн для тебя быть не должно.

Из свиты, расположившейся на скамьях у подножия трона, кто-то противно хихикнул при этих словах.

– Для этого, Великий, не надо быть горном. Весть об отравленных стрелах и копьях армориканцев облетела твои войска быстрее, чем это мог бы сделать царь птиц орёл, что в изголовье твоего трона.

Ответ без подобострастия пришёлся Аттиле по нраву. Он одобрительно кивнул, и Чекур продолжил. На этот раз он решил дать возможность Великому остаться на высоте, а самому потешиться над его свитой:

– Только вот в толк не возьму, зачем тебе такой скромный возждь, как я, мог понадобиться, когда тебя окружают столь величественные умы? Хочешь послать вперёд моих воинов?

– Так их, Чекур, так! – захлопал в ладоши вдруг повеселевший Аттила. – Ничего путного подсказать не могут. Или боятся. Зато на пирах прекрасные песни слагают в мою честь! Ты, видно, не из таких? Да и хмельного, говорят, не пьёшь. Молва о тебе идёт как о горне. Если это правда, сделай так, чтобы яд стал вреден не больше, чем укусы пчелы, избавь от мук раненых и верни их в строй. Такова моя воля. Сколько тебе нужно времени, чтобы обратиться к богам?

Чекур ответил, что он знает, чем помочь Аттиле, так что нет необходимости затягивать с обрядом. Этим он вызвал в свите переполох. Многие ожидали, что угр начнёт уходить от прямого ответа, постарается тянуть время в надежде, что ситуация уладится сама собой.

– Всепобеждающий, – молвил горн, – немедля вели приступить к рытью ямы – такой, чтобы в неё одновременно могли поместиться стоя сто воинов. И тотчас же пусть шведы берутся за иглы и шивают ишкеры. Ими надо будет выстлать дно и стены этой ямы, чтобы она стала непромокаемой, словно бурдюк. Яму предстоит наполнить коровьим молоком. В эту молочную купель и следует опускаться раненым воинам – она исцелит их от яда.

Как только вошло солнце, все рабыни, служки и даже наложницы Великого Аттилы взялись за иглы. Уже к середине дня купальня была готова. Чекур несколько раз обошёл яму, исполняя некое подобие шаманского танца. У наблюдающих за ним должно было сложиться впечатление, что горн проводит очень важный обряд.

На самом деле это была лишь игра на публику. Сам возждь угров уже давно понял, что величие и могущество их богов сходят на нет, тают, как весенний снег под мартовским солнцем. Все они словно являлись неотъемлемой частью их родины. Дальний же поход как будто подорвал корни, питающие и самих богов, и саму веру в них, от чего та стала сохнуть и терять силу. Лишённые привычных ориентиров и опор, боги рек, озёр, покровители охоты, рыбалки и стойбищ растерялись и, как простые смертные, стали совершать ошибки, давать промахи. Поняв это, Чекур между тем продолжал имитировать обряды, ведь это была одна из составляющих его власти над своим народом.

И вот Чекур дал знак: заговор на молочную купель наложен. Тут же к ней из обоза потянулись воющей и скулящей вереницей раненые, не перестающие терзать язвы грязно-коровавыми ногтями. Измученные люди скатывались в яму – и через несколько минут пребывания в молоке боль и зуд прекращались. Воины, словно заново родившись, легко выбирались наверх. Придя в себя, они хватали оружие и бросались в сторону поля боя.

Армориканцы, видя такой оборот дела, потеряли присутствие духа, были разгромлены и бежали.

По окончании битвы Чекур повелел свалить все трофеи в одну кучу, обложить хворостом и поджечь. Смазанные ядом копья и стрелы, мечи и кинжалы образовали костер, уступающий в размерах разве что шатру самого Аттилы. Пламя сначала весело заплясало на клинках с запёкшейся кровью и сухих древках – и вдруг отяжелело, будто надломленное страхом. Его яркие всполохи сплелись извилистые змейки бледно-красных чадающих язычков. Так же совсем недавно змееподобно корчились в муках и пораженные ядом люди. Однако костер недолго был в плену теряющих силу злых чар. Вскоре он вновь стал светлым и лёгким.

На пире в честь победы Аттила спустился с трона, подошёл к Чекуру и лично поднёс ему наполненный молоком кубок, со словами: «Будь здрав, Молочный горн!». С той поры Чекура

так и стали называть. Это имя, слетевшее с уст вождя, прибавляло его обладателю славы и уважения во всём великом войске.

6 августа 2017 года

Постучись Лев Николаевич к любому из шаринцев с подобной историей, его бы выгнали вашей. Но я не был любимым и отлично понимал причину визита. Похоже, людям из Москвы я показался значимым, раз прислали ко мне переговорщика. Видимо, у них хорошая осведомленность и о моих находках, и о моих догадках.

На следующий день москвич появился в точно означенное время.

– Нет, природа у вас просто наизамечательнейшая! – услышал я от него вместо приветствия.

Москвич был всё в том же костюме, только рубашку сменил. Я улыбнулся и зачем-то сказал, что у меня такая же рубашка висит в шкафу.

– Такая же? – замешкался гость и улыбнулся с едва заметным снисхождением. – Круто! Тоже в Мюнхене покупали?

Так мне дали понять, что я позволил себе излишнее панибратство. Но Лев Николаевич быстро вернулся в образ скромного интеллигента и продолжил свой рассказ, начатый накануне:

– Чем больше углубляешься в изучение этой истории, тем больше убеждаешься в том, что практически все охотники за Золотой Бабой гонялись... за её призраком. Описание богини – всегда со слов косвенного свидетеля. Создается впечатление, что охотники за Сорни Най опаздывают, а хранители успевают подменить её: то на деревянную копию, то на каменную. Глазам многочисленных охотников являлись буквально топорно сработанные идолы.

При этом образ Богини в описаниях очевидцев – земное воплощение женской красоты и изящества, не имеющее ничего общего с наивным искусством вогулов манси. Но у всех примитивных истуканов был предшественник – вернее, предшественница невероятной красоты. Правда, на Урале она была, если так можно сказать, с гастролями, и в девятом веке уже покинула его.

Речь в легендах и мифах о Сорни Най идёт о сверкающей женщине из металла. Но таких технологий в тайге просто никогда не существовало. Чего не скажешь о Древней Греции или Риме.

Выходит, что родина Золотой Бабы – Европа. Скорее всего – Древняя Греция или Римская империя. На самом деле это не бог весть какое открытие. Ещё в середине 60-х годов известный советский писатель, популяризатор науки и журналист Лев Теплов, собирая свидетельства путешественников, искателей, охотников, пытавшихся найти место поклонения золотой богине, выдвинул любопытную гипотезу, что «...Золотую Бабу унесли из горящего разграбленного Рима, и это была золотая античная статуя».

Можно предположить, что её создателем вполне мог быть древнегреческий скульптор Пракситель, живший в IV веке до нашей эры. Он известен тем, что сотворил из мрамора статую Афродиты Книдской. Также ему одно время приписывали авторство статуи, найденной в 1820 году на острове Милос и получившей всемирную известность под именем Венеры Милосской. Правда, сейчас авторство приписывают некоему Александру, чьё имя едва различимо в надписи, обнаруженной на постаменте сравнительно недавно. Хотя на самом деле, как вы позже узнаете, так звали одну из хозяек статуи.

Догадываетесь, к чему я клоню?

Именно она, однажды оказавшись на северных землях, стала известна как Сорни Най, или Золотая Баба.

– Вижу, вы не очень-то удивлены, – произнёс гость, выдержав паузу и прикуривая очередную сигариллу.

Я замер буквально на пару секунд – и улыбнулся:

– Чему тут удивляться? По работе постоянно приходится выслушивать разные истории. Некоторые из них – просто бред с позиции здравого смысла. Так что история занятная, но требует фактов. Как, например, античная статуя могла оказаться на Урале?

– Ёрничаете, Георгий Петрович, ну-ну... В покер не играете? Нет? Зря. Из вас мог бы выйти толк. Там ведь главное – не выдавать своих эмоций. Мы предполагали, что вы уже о чём-то догадываетесь. Теперь я в этом почти уверен.

Сюда, на Урал, Венеру привезли угры, которые участвовали в нашествии гуннов на Европу. Доказательства вам нужны? Ну что ж: в порах мрамора статуи ученые обнаружили краску на основе золота и воска. Греки никогда такую не использовали. Позже мрамор был полностью очищен от этого золотого красителя. И это ещё далеко не все факты.

– Должно быть, занимательно... Но каким образом это имеет отношение ко мне? – я пожал плечами, отвернулся. – Чего вы хотите? Обычный журналист из уральского захолустья. К сокровищам мировой культуры никакого отношения не имею...

Лев Николаевич встал, сделал несколько шагов по комнате. И, глядя в окно, ледяным голосом констатировал:

– Этой весной вы, будучи проездом в Москве, посетили Музей изобразительных искусств имени Пушкина. И сделали десятки снимков выставленной в музее точной копии (или, по-другому, – реплики) Афродиты Милосской, так значит там статуя, больше известная как Венера Милосская. На этих фотографиях – в основном плечевой пояс. Та его часть, куда когда-то крепились руки.

– Странно. Про Пушкинский музей я информацию в соцсетях не размещал.

– Но зато вы отправили фото по почте. Взломать ваш ящик не составило труда.

И тут мне стало по-настоящему жутковато.

– Но зачем вам ломать мой ящик? Да и вообще: почему вы всё время говорите о себе во множественном числе?

Лев Николаевич посмотрел прямо мне в глаза, как будто хотел просверлить меня взглядом насквозь.

– «Мы» – это Орден Божественной Длани. Тайное общество, во главе которого стоят, поверьте, очень могущественные люди.

– Длани? Вы лечите друг друга наложением рук?

– Мы делаем всё возможное, чтобы отыскать потерянные руки Венеры Милосской и воссоединить их со скульптурой. О самом Ордене и его деятельности расскажу позже. А пока давайте обратимся к последнему явлению Богини. Оно случилось 8 апреля 1820 года. Поверьте, когда-нибудь этот день станет отмечаться повсеместно – наравне с Рождеством, Курбан-байрамом или Песахом.

В тот весенний день крестьянин Йоргус Кентротас из городка Кастро, что расположен на острове Милос, решил поправить стену на границе владения. Он запряг осла в небольшую телегу, сложил туда инструмент, кликнул сына с племянником, и они отправились за камнем: нужно было разобрать часть остатка древней стены, расположенной неподалёку от развалин античного театра.

Вид поля привёл крестьянина в бодрое расположение духа: кукуруза взошла, всходы обильно полило дождями – следовало ожидать хорошего урожая. Может, в этом году получится отложить ещё немного денег на маслобойню. Она была заветной мечтой Йоргуса: оливковых деревьев в округе росло много, а вот маслобойня на острове имелась всего одна. Да ещё и рассказывают, что появились чудо-машины на паровой тяге. Купить такую – и смело можно мечтать о большой прибыли: оливковое масло охотно покупали на кораблях, под разными флагами заходившими в главную гавань острова. Ещё бы не брать такое! Ведь на Милосе рождалось не просто оливковое масло, а нектар – густой, зеленовато-жёлтый, да такой ароматный, что от одного только запаха начинало слегка першить в горле.

В стремлении к своей мечте Йоргус старался свести траты к минимуму: свежие лепёшки в его семье ели раз в неделю, сыр или сливочное масло на стол попадали ещё реже. Полученное от семи коз молоко перерабатывалось и уходило на продажу, близким доставалось лишь то, что не сегодня-завтра могло испортиться. Экономил Йоргус и на угощениях – на Рождество, Пасху или именины. Гостю с порога подносилась большая чарка раки. Делалось это не от щедрот – расчёт был на то, что гостя сразу же возьмёт хмель, после которого станет не до еды – так, занюхать-закусить...

Итак, 8 апреля 1820 года крестьяне возились с камнями, выламывая их из древней стены и укладывая на телегу. То и дело они покрикивали на осла: тот норовил вырваться из упряжки и добраться до молодых побегов кукурузы. Когда Йоргус с сыном пытались взгромоздить на телегу очередной тяжеленный монолит, осёл дёрнулся, камень рухнул на землю. Та задрожала и... провалилась. В провал посыпались камешки – и, судя по звукам, приземлились где-то недалеко.

Заботы об ограде сразу забылись. Парни были посланы домой за верёвкой и фонарём. Когда вернулись, мужчина первым делом спустил в провал зажжённый фонарь. Тот высветил сводчатое помещение, внутри которого что-то белело. Вместе с холодом из подземелья на Йоргуса повеяло предчувствием денег.

Затем пришёл черёд спуститься в подземелье сыну крестьянина. Он разглядел в нише высокую статую из белого мрамора. Услышав это, Йоргус вскинул в небо руки с распростёртыми ладонями, но вместо хвалы Всевышнему из его глотки вырвался дикий торжествующий крик.

– Ну, как вам такая трактовка событий? – Лев Николаевич неожиданно оборвал повествование. – Я так много раз представлял себе этот момент, что словно бы стал его свидетелем. Это хорошее начало для романа. Дарю! Думаю, вам может пригодиться.

Для древних милосцев скульптура Венеры была воплощением высокочтимого божества, возможно – хранительницы острова. Одно время захватчики увозили её с острова. Вот почему после нового его обретения милосцы решили укрыть Богиню от людских глаз в подземелье, чтобы больше никто и никогда не смог покуситься на неё.

Находка Йоргуса оказалась разборной: обнажённый женский торс отделялся от задранированных ног. Без этого крестьянину непросто пришлось бы при её извлечении на свет божий. Покровитель искусств Клод Тарраль, когда скульптура оказалась уже в Лувре, выяснил причину такой особенности. Статуя была высечена не из широко применяемого паросского мрамора, а из *soaliticus*, как его называли в античные времена. Этот похожий на слоновую кость сорт доставляли из Малой Азии. Правда, порода не образовывала больших монолитов, её куски едва превышали метр.

Транспортабельность сыграла большую роль в весьма и весьма интересной, я бы даже сказал, захватывающей, судьбе скульптуры.

Что касается рук, то к тому моменту, когда Йоргус нашел Венеру, их у неё уже не было. Хотя, конечно, авантюристы, пусть и двигали ими разные мотивы, выдумывали всякое. Вот так, например, описывал эту скульптуру Жюль Дюмон-Дюрвиль: «Одежду, закрывавшую её лишь до бёдер и ниспадавшую на пол широкими складками, она придерживала правой рукой. Левая была слегка поднята и изогнута – в ней она держала шар величиной с яблоко».

Кто же такой этот Жюль Дюмон-Дюрвиль? На тот момент был лейтенантом 21 года от роду, обладал богатым воображением и некоторым знанием античных мифов. В гидрографической экспедиции по изучению Средиземноморья Жюль среди прочего отвечал за археологию. Когда его корабль «Л' Шевретт» пришвартовался в порту Милоса, Дюмон-Дюрвиль начал обход местных жителей в поисках древностей. Ничего стоящего не попадалось до того момента, пока он не увидел Богиню в сарае Кентротасов. Увидел – и обомлел.

Поначалу теплилась надежда, что крестьянин окажется полным идиотом и уступит статую за пару сотен франков, но Йоргус запросил пять тысяч. И упрямо стоял на своём: пять тысяч франков – столько стоила маслобойня. Разумеется, таких денег у молодого безродного офицера не водилось. Но парнем двигала страсть – та, которая ведёт охотников и первооткрывателей. Осознав, что французский консул на Милосе необходимой суммы выделить не может, археолог-любитель убедил капитана «Л' Шевретт» направиться в Константинополь. Там Жюль доложил обо всех обстоятельствах послу Франции маркизу де Ривьер. Чтобы вызвать интерес к статуе, он умолчал об отсутствии у той рук. И не просто умолчал: описал их, почти дословно приведя отрывок из своего любимого «Описания Эллады» Павсания.

Заинтригованный дипломат принял решение купить статую у крестьянина (Людовик XVIII – страстный почитатель всевозможных искусств, постоянно пополняющий свою коллекцию в Лувре, и таким подарком легко ему угодить). Миссия по приобретению Венеры возлагается на секретаря французского посольства виконта Марцеллюса. Вот только с незамедлительной отправкой выделенного для этой цели судна «Л' Эстафетт» возникли проблемы – на нём велись ремонтные работы. Поэтому на Милос виконт прибыл только 23 мая, и это промедление едва не стало роковым.

Примерно в то же самое время, что и Дюрвиль, поиски древних артефактов на острове вёл ещё один француз – гардемарин Оливье Вутье с фрегата «Амазонка». Вот его сферой интересов была исключительно, как бы сегодня сказали, «чёрная» археология.

В тот раз на Милосе ему не особенно везло: он сумел найти лишь несколько фрагментов мраморных скульптур, среди которых была женская рука с яблоком. Побывав у Йоргуса, француз сумел оценить, какой подарок ему (конечно же, незаслуженно!) преподнесла судьба. И запрашиваемая крестьянином цена привела Оливье в отчаяние.

Поэтому авантюрист недолго думая решил пойти другим путём: он начал рассказывать, что лично присутствовал на участке Кентротасов, когда под их ногами обвалилась земля. Что он сам обнаружил статую, крестьяне же лишь помогли достать её. В качестве доказательства права на находку Оливье демонстрировал обломок мраморной руки с яблоком, утверждая, что это часть той самой скульптуры.

Однажды он даже явился к Йоргусу и попытался заявить свои права на Богиню. Когда до крестьянина, не просыхающего от раки несколько дней, дошёл смысл слов иностранного моряка, он выхватил у того из рук мраморную культю и кинулся с ней на непрошенного гостя.

Эту картину наблюдал местный священник Ойкономос Верги, настоятель церкви Святой Троицы. Поначалу он не придавал значения той шумихе, что образовалась вокруг статуи. Но однажды до него дошли слухи о письме консулу, потом появился Оливье Вутье с предложением засвидетельствовать его право на находку. Так что к Йоргусу Верги согласился отправиться из любопытства.

Провинциальный священнослужитель был не слишком образован, но суэта и шумиха вокруг статуи позволили догадаться о её ценности. И у него появились свои планы – как обернуть обстоятельства в свою и прихода пользу: выкупить скульптуру у крестьян и подарить Николаки Мурузи, в ведении которого фактически находилось управление всеми греческими островами. К сожалению, недавно тот дал понять, что Верги теперь у него не в чести, и мог в любую минуту обрушить на него свой гнев.

Оттоманская власть налагала немалые поборы за право исповедовать христианство. Выражалось это в сдаче приходам храмов в аренду, монастыри же и вовсе отдавались на откуп. Если опасения милосского священника окажутся верны, то следует ждать увеличения арендной платы за пользование храмом. Тогда на него придётся повесить замок...

Вместе со старейшинами прихода священник принялся уговаривать Йоргуса Кентротаса расстаться с находкой. Куда было деваться крестьянину? Сошлись на цене в десять раз меньше той, что обещали привезти французы, – ударили по рукам на пятистах франках.

Доставить статую вызвался турецкий наместник Милоса и прилегающих островов Сеид-паша (поскольку тоже был не прочь угодить Мурузи). Он выделил шхуну и матросов. Но планам священника было не дано осуществиться: Венера Милосская в итоге оказалась на борту... корабля французской экспедиции «Л'Эстафетт».

Существует несколько версий того, как это произошло. По одной – французы устроили погоню за турецкой фелюгой, взяли её на абордаж и в рукопашной отбили сначала верхнюю часть статуи, а уже затем турки под страхом смерти сами выдали им нижнюю. По другой – французы с компанией появились в тот момент, когда статуя находилась на берегу и готовилась к погрузке на турецкое судно; матросы бросились освобождать Венеру. Одним словом, все эти версии звучат, словно цитаты из представления виконта к награде. Но их роднит одно обстоятельство: руки статуи во время схватки были отбиты. Бедная Богиня! Если верить этим байкам, то получается, что едва ли не само каменное изваяние ожило и отбивалось от ненавистных османов, отстаивая своё право на жизнь в Лувре, а не в серале султана. Правда, почему-то никто не обращает внимания на важную деталь документов: во время сражения груз был упакован. Как же тогда он мог быть изувечен?

Поэтому, конечно, никакой францужско-турецкой битвы при Кастро не было. Ну, может, съездили кому несколько раз по физиономии. Скорее всего, дипломат Марцеллюс уговорил турецкого чиновника отступить, священник Верги получил обратно свои деньги. А Йоргус Кентротас – заветные пять тысяч франков, с потерей которых уже успел смириться.

Когда статуя оказалась на борту корабля, дипломат приказал распаковать её – и в изумлении замер: у Венеры не оказалось рук! Как же так? Он сам был свидетелем того, как на приёме у посла Дюмон-Дюрвиль, описывая статую, говорил, что одной рукой она придерживала одежду, ниспадавшую на пол широкими складками, другой, слегка поднятой и изогнутой, держала яблоко. А тут рук нет, да ещё кончик носа отколот! Как он представит эту уродину своему шефу, маркизу де Ривьер? Посылали-то его за шедевром.

К счастью, на берег явился авантюрист Оливье Вутье с обломком мраморной руки и байкой про то, что Венера – это только его находка. Дипломат Марцеллюс выложил три сотни франков за мраморную длань с яблоком, сочинил историю про доблесть французских матросов – и всё, версия про отбитые в бою руки Венеры готова!

Всё обернулось к лучшему. В том числе и для Дюмон-Дюрвиля. Молодой археолог-любитель, очарованный древнегреческим искусством, не удержался от того, чтобы выдать желаемое за действительное. При виде статуи у него в голове сразу родился облик Венеры (отсюда и пошло название, к которому позже добавился топоним). Прекрасную статую он отождествил с мифом о том, как Гера, Афина и Афродита (в римском пантеоне – Юнона, Минерва и Венера) устроили первый на свете конкурс красоты, а в судьи выбрали пастуха Париса – и тот вручил Афродите яблоко.

То, что вместе с безрукой статуей дипломат привез мраморную руку с яблоком, только придало реальности вымыслу Дюмон-Дюрвиля. Через год на заседании Французской академии, докладывая об обстоятельствах находки, он говорил: «Статуя изображала обнажённую женщину, которая в левой поднятой руке держала яблоко, а правой придерживала красиво драпированный пояс, небрежно ниспадавший от бёдер до ног». При этом тут же добавлял: «В остальном и та и другая рука повреждены и в настоящее время отняты от туловища». Что именно подразумевал докладчик под «настоящим временем», он не уточнял.

Итак, 1 марта 1821 года посол отправляет статую в Париж Людовику XVIII. Король передаёт подарок из Константинополя в Лувр. Там выяснилось, что обломок руки с яблоком, кото-

рый прибыл вместе с Венерой, изготовлен из другого сорта мрамора и не имеет к скульптуре никакого отношения. К тому же выяснилось, что прежде статую красили, покрывали золотом и крепили на неё драгоценные украшения: когда-то на правом плече был браслет, в ушах – кольца, и в волосах – диадема.

Позднее скульптор Ланже восстановил форму носа Богине. Но когда он в 1822 году приделал ей руки согласно описанию Дюмон-Дюрвиля, то в художественных и академических кругах разгорелись бурные дискуссии – в итоге было решено отказаться от какой-либо реставрации. Венера предстала перед посетителями Лувра практически в том же виде, в котором её и нашёл Йоргус Кентротас. А в конце XIX века французский археолог, исследователь античности Соломон Рейнак доказал: состояние патины на повреждённых участках свидетельствует о том, что конечности были отделены как минимум за несколько веков до того, как скульптура была обнаружена на острове Милос.

Много лет все любовались чудесной статуей и пересказывали друг другу байки о ней. Уже позже, когда судьба Богини стала исследоваться с пристальным вниманием, стало понятно, что причастность к ней таит в себе опасность. Мало того, она трагически влияет на людей, которые так или иначе имели отношение к её перемещениям с Милоса.

Жюль Дюмон-Дюрвиль получает чин капитан-лейтенанта и совершает немало географических экспедиций, в том числе и кругосветных. Его именем называют остров и одно из морей в Южном полушарии, именем его жены нарекают северную Землю Адели. Успех, публикации, чины, книги... И вдруг – чудовищная трагедия: в 1842 году контр-адмирал с женой и сыном погибают в железнодорожной катастрофе во время поездки в Версаль.

– Со свечным заводиком тоже не сложилось?

– Pardon, что за заводик?.. Это вроде отец Фёдор из «12 стульев» им бредил? А вы, значит, из тех, что любят пересыпать свою речь известными фразами. Что ж, у некоторых получается весьма уместно. Вот и вы угадали. Конец Йоргуса Кентротаса оказался печален. Летом того же 1820 года грек с сыном и племянником отправились за покупкой маслoбойни в Афины. Корабль, на котором они плыли в Пирей, атаковали повстанцы, борцы за независимость Греции. Они вывернули карманы у всех пассажиров и команды, опустошили и судовую кассу. Вернувшийся домой ни с чем Йоргус не смог оправиться от такого удара судьбы, запил и уже через год оказался на кладбище.

– До сих пор все, кто так или иначе сталкивается с Богиней, подвергают опасности свою жизнь. Понимаете, о чём я говорю? – собеседник снова посмотрел на меня с ледяной пронзительностью.

Я покачал головой.

– А то вот меня, признаться, насторожила гибель человека, который нашёл в ваших краях клад древнего оружия... Он ведь был вашим другом, не так ли?

– Скорее, товарищем, но даже если и так, – чуть помолчав, ответил я, – то при чём тут Венера безрукая?

– Эх-хе-хе... – разочарованно протянул столичный профессор, видимо, ожидавший от меня другой реакции. – Может быть, и ни при чём. Во всяком случае, сегодня я не готов говорить об этом. Спасибо вам за кофе и гостеприимство.

Моё недоумение путало собеседнику все карты. Кому понравится расклад, когда на руках десятка, валет, дама, король, а вместо туза в прикупе приходит всякая разномастная шваль? И такой долгожданный и, казалось бы, очевидный флеш-рояль* оборачивается блефом. В покер я время от времени играл – не всё-то вам, господа из Ордена, известно.

Расставались суше, чем накануне. Условились о встрече через день.

И всё же последнее слово гость оставил за собой:

– Вас, Георгий Петрович, как звали друзья в юности: Гога или Жора? Впрочем, это не суть. Интересно то, что в греческом варианте ваше имя будет звучать как... Йоргус. Да, да, тот самый Йоргус. Впрочем, в этой истории вообще мало случайностей. Уж поверьте.

**Флеш-рояль – в покере самая сильная и весьма редко встречающаяся комбинация карт, состоящая из туза, короля, дамы, валета и десятки одной масти.*

Кукушка – утроба шамана

Чекур получил чудесную силу от бабушки Карья, единственной в народе угров женщины-шаманки.

Она была матерью Савала, вождя племени. Когда его жена беременела, он приносил жертвы богу Нга, моля отвести участь шамана от будущего ребёнка. Угры верили в то, что шаманский дар передаётся через поколение. Духи сами выбирали посредника и посылали родителям знак: «материнский платок» (околоплодную оболочку) или необычную внешность.

Меченый ребёнок – это масса проблем: до семи лет – нервные припадки, судороги, обмороки, ночные кошмары. А после избранного духами ждало многолетнее испытание, во время которого он терял рассудок и блуждал в сопровождении духа по дорогам Верхнего и Нижнего миров. Не самая подходящая участь для будущего вождя племени.

Первые три ребёнка были обычными угрскими девочками – раскосоглазыми, смуглыми. А сын... Когда повитуха вышла из женской половины жилища и молча протянула Савалу новорождённого, вождь едва не выронил дитя от неожиданности: из свёртка выглядывало белое как снег личико с округлыми голубыми глазами и с медными волосками на голове.

Нет, он ни мгновения не сомневался в верности жены: Савал знал, что его мать родилась от брака угорки и руса – вождя и волхва, как звали шаманов пришельцы. Их войско явилось со стороны Каменного пояса. Ростом они были выше угров, широкоплечи, с вытянутыми лицами, белым цветом кожи, с белокурыми, а то и рыжими волосами, жёсткими густыми бородами, прямыми носами и светлыми глазами. Русы напали и разграбили несколько городищ и селений угров, вырезая всех жителей, кроме самых красивых и молодых женщин, которых забирали в жёны. Пришельцы надеялись обжиться в этих местах, уничтожив всех мужчин. Но они не учли, что угры – многочисленный народ. Объединившиеся племена дали решающий бой, в ходе которого свирепые русы были полностью разбиты.

Молодую угорку, уже носившую в утробе ребёнка, забрала к себе далёкая родня. Замуж вдова руса больше не вышла и все свои силы положила на воспитание перенявшей дар общения с духами от отца-волхва дочери Карья. В свой черёд та родила сына Савала и предупредила его, что он может стать отцом светловолосого ребёнка.

Вождь не сразу смирился с тем, что его первенец – меченый. Пытался защитить сына, сопротивлялся духам. Женщины накрывали ребёнка своими штанами, как это было принято при шаманской болезни, переступали через него. И не давали ему имени.

Карья не принимала участия в «спасении» внука, мало того – словно не замечала этих действий. А однажды положила им конец.

– Твой сын может вырасти великим вождём и шаманом, – сказала она Савалу, когда тот пришёл просить её о помощи. – А может не стать ни тем ни другим. Духи передали мне, что не будут изводить мальчика своими искусствами – водить по дорогам Верхнего и Нижнего миров, ковать ему сердце и кости на свой лад, закалять голос и утончать слух, надевать вторым зрением... И без этого Чекур (на языке его прадеда это имя означает «золотой камень»), когда вырастет, сможет обращаться к божествам. Так что воспитывай его как вождя и воина, закаляй богатыря на свой лад.

Успокоенный матерью, Савал сосредоточился на воспитании преемника – и преуспел: позднее Чекур в битвах не раз показывал пример исключительного воинского мастерства.

Так, он умел мастерски крутить шест и отбивать им летящие в него стрелы. Ходили слухи, что как-то раз Чекур на спор так вертел шестом над своей головой, что остался сухим в проливной дождь.

Но до изучения шаманских обрядов бабушка Карья не допускала его довольно долго – и не допустила бы, если бы не один случай.

Однажды Чекур, уже будучи юношей, решил последовать примеру бабки-шаманки. Наблюдая за её обрядами, он заметил: перед тем как камлать, она растирала мухомор с кровью собаки и пила получившееся снадобье.

Собаки у угров были помощниками в охоте, охраняли стада овец и табуны лошадей от волков. Также они считались и защитниками от духов преисподней. При налётах на стойбища врагов угры уничтожали прежде всего собак – тем самым стремясь избежать мести божков, покровительствующих противнику. В случае болезни человека или при трудных родах по требованию шамана угры опять же приносили в жертву собаку. Убивали собак и весной, чтобы люди не тонули в лодках, и летом на празднике чистых хором, чтобы шаман, напившись собачьей крови, мог без усталости камлать много дней (как собака, лающая без усталости). А в праздник Солнца воин, принося жертву, разрубал мечом собачью грудь, доставал оттуда ещё пульсирующее сердце и вгрызался в него зубами, стараясь съесть. Если ему это удавалось без рвоты, то предстоящий год стоило ожидать благополучным, если же пожирателя сердца тошнило – готовились к худшему.

Именно собака стала первой жертвой Чекура.

Выбор пал на щенка, постоянно путавшегося под ногами. Он охотно побежал за манящим и посвистывающим маленьким хозяином к сосновой роце на краю городища. Там мальчик направился искать мухоморы, а собачонку привязал к дереву. Когда на её шею затянулась верёвка, сначала повис виляющий хвост, потом из горла стали вырываться лёгкие поскуливания. Вернувшись, Чекур повалил жертву, прижал коленом к земле и одним ударом кинжала перерезал горло. Придерживая конвульсирующее тельце, взял берестяную плошку, поднёс её к ране и наполнил кровью.

Грибная мякоть мухоморов резко и отвратительно пахла и разъедала язык с нёбом. Вязкая, тёплая, чуть солоноватая кровь делала колдовскую снесь тошнотворной. Покончив с трапезой, Чекур уселся под сосной, откинувшись на неё спиной, и стал постукивать в бабкин бубен и ожидать появления если не самого бога Нга, то хотя бы Синга – Матери леса. Первой пришла резь внизу живота, после всё заволокло забытьём... К Чекуру уже подбирались духи преисподней, когда на него наткнулся раб, ходивший за дровами. Несостоявшегося шамана Карья отпаивала молоком кобылы, приговаривая: «Успеешь ещё, мальчик, твой черёд камлать не пришёл. Из тебя выйдет настоящий шаман, каких в нашем роду ещё не бывало».

Тело, очищенное от яда, спасли, дело оставалось за душой, уже скользнувшей вниз по реке времени, и чтобы вернуть её, требовалось послать за ней другую. Ею стала душа нашедшего мальчика раба. Карья избавила его от страха, дав проглотить порошок из сушённых «живых» мухоморов. Постепенно мужчина впал в забытьё: на губах заиграла блаженная улыбка, а с них стала литься «мухоморная песня», оборвавшаяся булькающим хрипом. Шаманка пустила в ход кинжал, которым до этого Чекур убил щенка. Это свершилось в полдень. А уже к вечеру губы мальчика, обмазанные кровью его спасителя, разомкнулись, чтобы сказать: «Пить...».

Проникая в человека, мухоморные духи (они проявляются как белые пятна на красных ишляках) путают и кружат его, а иногда даже губят. Исход во многом зависит от снадобья. Живое снадобье получается из нечётного количества мухоморов, выросших неподалёку друг от друга. Мёртвое – из чётного. Одинокий гриб вообще является пищей нечисти и считается самым ядовитым. Маленький Чекур не знал этих тонкостей, более того – умудрился съесть два таких «нечистивых» мухомора.

Несколько лет спустя, узнав, что Чекур уже стал мужчиной («вложил свой меч в тёплые ножны»), бабушка Карья поняла, что пришла пора его главного испытания. Как-то она позвала внука помочь ей в сборе трав. За одной из них пришлось идти довольно далеко: заросли сиреневых соцветий они обнаружили на берегу небольшой речки в полудне ходьбы от городища.

Когда они остановились, чтобы перекусить и набраться сил, Карья сказала:

– Я позвала тебя вовсе не за помощью. Настало время, чтобы ты узнал о том, что можешь выбрать свой путь и стать властителем, каких не было и нет ни среди угров, ни среди хуннов, ни вообще – смертных. Это подсказали мне духи. Время твоё настанет вдали от этих мест, когда в небе встанет сверкающая хвостатая звезда, сверкающая, как остриё меча на солнце.

Чекур обернулся к Карье и обжёгся о её взгляд. И тут же повёл ухом в сторону: где-то неподалёку завела свою нудную песнь кукушка: ку-ку, ку-ку...

Бабушка начала рассказывать про эту лесную птицу: о том, что шаманы называют её «чёрненькая». О том, что когда-то кукушка была женщиной, которая захотела пить и попросила детей принести ей воды, но те остались глухи к её просьбам. Чтобы не умереть от жажды, женщина для хвоста приспособила иголки, для крыльев – лопату, для клюва – напёрсток, обернулась птицей и улетела.

И о том, что если Чекур хочет обрести шаманскую силу, ему предстоит убить кукушку, которая олицетворяет женское начало; разрезать её на семь частей, опалить каждую на огне и развесить их на дереве, самому же улечься спать под него.

Олицетворяющая материнство как таковое, кукушка восседает на вершине Жизненного древа, через которое идут к богам все мольбы человеческие. Соединив в себе мужское и женское, шаман закрывает глаза. За сном шамана следует смерть – и пробуждение.

– Но зачем мне эта странная сила, бабушка? – спросил Чекур. – Ведь я не собираюсь камлат, как ты: призывать духов на сторону одних и отвергать их от других, просить удачи в охоте и в битвах.

– Не знаю, мой мальчик. Знаю только, что сила понадобится тебе не для охоты и не для войны.

Чекур кивнул и потянулся к луку и колчану со стрелами, но бабка придержала лежащее на траве оружие рукой и протянула внуку кинжал, которым он когда-то принёс в жертву щенка, а она – раба.

Когда бабка и внук вернулись в городище, то по их виду можно было подумать, что они отсутствовали одну луну, не меньше, хотя солнце-олень дважды умирало и воскресало. Особо это было заметно по Чекуру: юношеские румянец и округлость полностью сошли с его лица.

Вскоре после этих событий пришло время Великого похода. Хунны, пришедшие со стороны восхода и которым угры дали возможность на своих землях набраться сил для дальнейшего продвижения, объявили большой сбор. Целью нашествия были края, куда уходит солнце. И угры решили примкнуть к походу. Они верили: их ждут и богатые трофеи, и тёплые земли, вообще не знающие снега. Так появилось не только великое войско, но и новая народность – гунны, объединившая хуннов, угров и другие примкнувшие к ним племена.

В поход выдвинулся и отец Чекура Савал. Он оставил вместо себя сына, к тому времени встречавшего семнадцатое лето. Ещё через пять зим Савал отправил домой отряд воинов-ветеранов и велел передать сыну, чтобы тот выдвигался с пополнением к границам Римской империи, которую терзали гунны.

Как только Чекуру стало известно о дальнем и долгом походе, он решил навестить место, где покоилась бабка-шаманка Карья. По обычаю, таких людей после смерти нельзя было предавать земле, чтобы мир не закрылся. Поэтому тело покойной уложили в деревян-

ный гроб вместе с шаманским нарядом, бубном и колотушкой. А гроб поставили на помост меж двух сосен в роице неподалеку от городища. Место там было тихое – угры побаивались колдовства и обходили этот лесок стороной.

Чекур сделал себе логово из медвежьей шкуры, положил в изголовье шаманское бронзовое зеркальце, которое перед смертью ему отдала бабушка, и попросил помочь ему в походе.

После пробуждения им владела только одна мысль: в странствие нужно взять всю пушнину, какую только можно отыскать.

Набрался целый воз выделанных шкур. Даже без него отряд был не слишком маневренным, и воины стали прямо выражать недовольство. Но Чекур не стал им пересказывать сновидения про бесконечную зиму и воинов, прозябающих и изнемогающих от холода.

Не оценил пушнину и Савал, когда спустя шесть лун к нему прибыло долгожданное пополнение. Однако он не стал поднимать сына на смех, чтобы не уронить его авторитета. Но зима в тёплых краях неожиданно оказалась ещё более суровой, чем в родных широтах, и растянулась на долгих пятнадцать лун. Солнце светило сквозь дымку, как луна, без лучей, как будто потеряло свою силу. Ходили слухи, что где-то на севере злые духи прорвались из преисподней через гору, залили землю огнём, а небо засыпали пеплом. Для утепления своей одежды гунны приспособивали любой лоскут ткани или шкуры. Их амуниция всё больше напоминала нищенские лохмотья. И только воины племени Савала пережили долгую зиму в тепле. Их тела согревали меха, что привёз молодой вождь Чекур с родных земель.

Конечно, никто не сомневался, что он лишь выполнил волю своего мудрого отца. Тот же окончательно уверовал, что его сын общается с мёртвыми, знает и видит больше, чем все остальные. Вскоре после ледяной зимы Савал погиб в водовороте реки во время переправы. Так Чекур стал во главе отряда своего племени, чтобы позже получить из уст самого Аттилы прозвище Молочный горн.

7 августа 2017 года

Во время последней встречи с человеком из Москвы я не на шутку встревожился, потому что действительно ездил в Пушкинский музей. В самом начале апреля – а именно 8-го числа. Снова эта дата!

В тот день я оказался в столице проездом, полдня не знал, чем себя занять. В метро увидел афишу об открытии выставки «Младшие Брейгели» и почему-то страстно захотел её посетить (хотя никогда не считал себя поклонником живописи). Добрался на метро до станции «Площадь революции» и от Красной площади по Моховой пошагал в сторону Волконки.

Выставка располагалась в небольшом закутке Пушкинского музея, на задворках Греческого двора. Когда я проходил мимо копий покалеченных временем древних скульптур, по коже пробежал холодок, я поёжился. И это же чувство заставило меня притормозить на обратном пути. Найдите? Может быть. Копии фрагментов восточного и западного фронтонов Парфенона, Афина из Веллетри, Афродита «в садах», «Раненая амазонка», Аполлон из Тибра, Афина Лемния...

Я уже понимал, что именно ищу. В принципе, я уже давно созрел для этого свидания. Чего бы ради тогда повсюду носил с собой обретенный по воле случая мраморный кусочек, позолоченный с одной стороны? (Он как будто бы прочитал мои мысли и начал источать тепло в правом кармане пиджака.)

Поднявшись на второй этаж, я пересёк колоннаду выставочного зала, повернул налево... Копия знакомой миллионам людей фигура безрукой богини находилась в зале «Греческое искусство поздней классики и эллинизма». Сквозь окна в потолке на статую падал ровный свет весеннего дня, напитывая её особой притягательностью и ещё более выделяя на фоне тёмных стен.

Моё сердце колотилось, как перед первым свиданием. Чтобы успокоиться, я неспешно прошёл по залу, постоял у копии Ники Самофракийской и лишь потом приблизился к заветной цели. Табличка на постаменте гласила: «Афродита, или, как её часто называют, «Венера Милосская» – наиболее известный вариант типа Афродиты, где она представлена обнажённой, с задрапированной в гиматий нижней частью тела. Тип этот восходит к классике IV в. до н.э., но спиралевидный поворот, перпендикулярно направленные движения и резкая граница между обнажённым телом и драпировкой принадлежат эллинизму. Обнажённый торс Афродиты выполнен из одного блока мрамора и, как в гнездо, вставлен в блок со складками – приём, также характерный для эллинистической скульптуры. Руки статуи утрачены...»

Захотелось сделать это: достать кусок мрамора из кармана и приложить его к левому плечу статуи. Я догадывался, что в одну из выемок камень встанет как деталь пазла – легко и свободно! Но постамент статуи был не меньше метра, до левого плеча Афродиты было не дотянуться и не допрыгнуть. Ну и, конечно, не стоило привлекать к себе внимания.

Я отошёл и присел неподалёку на скамейку.

Глеб Успенский побывал в столице Франции в 1872 году. Вот как он описывал свои ощущения: «Что-то, чего я понять не мог, дунуло в глубину моего скомканного, искалеченного, измученного существа и выпрямило меня, мурашками оживающего тела пробежало там, где уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно так, когда человек растёт, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросший организм свежестью и светом».

И меня не переставало будоражить от чувства близости с копией великой скульптуры. Вот только переживания были иного плана, чем у Успенского: я вот-вот мог получить подтверждение своим фантастичным предположениям!

В конце концов я понял, что нужно сделать: достал из портфеля планшетник, сфотографировал обломанное плечо (приходилось вставать на цыпочки и тянуться вверх). От таких упражнений рубашка вылезла из-под ремня, лицо покрылось потом, словно от тяжёлой физической работы. Обернулся на смотрительницу музея: взгляд пожилой женщины сделался суров. Поинтересовавшись, где туалет, я ринулся на первый этаж.

И уже там, запершись в кабинке, вынул камень из кармана. На планшетнике выбрал снимок левого плеча с наиболее удачного ракурса, приблизил его и приложил мрамор к экрану. Хотя одна сравниваемая часть была объёмной, а другая плоской, рваные края сколов совпали.

Пальцы стали непослушными, словно и сами окаменели. Атмосфера стала наполняться чем-то густым и тревожным, словно воздух перед грозой. Надо было срочно убираться из музея. На Волхонке оторваться от праздной публики и от тревоги, нырнуть в метро и уйти на глубину вокзала. И уже из купе поезда отправить самому себе на почтовый ящик фотографии, сделанные в музее.

В начале двухтысячных я обзавёлся металлоискателем. К этому меня подтолкнул разговор с одним дедком: как-то засиделся с ним у костра на берегу реки. Дед слыл не особо общительным, особенно когда дело касалось мест и секретов охоты или рыбалки. Но меня интересовало житьё-бытьё деревни Шаймуры, которая раньше располагалась на этих землях. Среди прочего он поведал слышанную ещё от своей бабки историю о том, что её муж закопал где-то на огороде свои накопления, перед тем как сгинуть в боях. «Так, поди, и покоятся лобанчики где-то на усадьбе», – кивнул тогда дед и подробно объяснил, где она находилась.

Металлоискатель оказался с весьма простенькими возможностями – мог обнаруживать металл на глубине не более десяти сантиметров. По сути, таким только по пляжу искать обронённые монеты или ювелирные украшения. Но главным разочарованием лузера-кладоискателя стало то, что прибор звенел от любого металла.

Первое же посещение урочища Шаймуры подтвердило самые худшие предположения: лобанчики, так в старину называли золотые монеты с изображением монаршей головы – «лба», мне не улыбались. Сигналы шли от гвоздей и гвоздиков, кусков железной проволоки, подков, молотков, топоров, обломков кос и ещё каких-то инструментов. Изредка радовал царский медяк конца девятнадцатого или начала двадцатого века. Дореволюционный культурный слой был основательно перемешан с советским: гайки, болты, детали допотопной техники, алюминиевые пробки-кепочки от бутылок, крышки от банок, консервные жестянки, пуговицы, кнопки... К концу дня поисков моё «эльдорадо» представляло интерес в основном лишь для базы вторчермета.

Ещё один день в качестве добытчика металлолома я выдержал, но на большее меня не хватило. Прибор долго пылился на антресолях в прихожей. Но репутация «кладоискателя» за мной укрепилась прочно.

«Чёрных копателей» в наших краях с каждым годом становилось всё больше. Надежда на фарт приводила в движение массы людей, как во времена «золотых лихорадок». Вот и у Николая Журавлёва (по прозвищу Журавель – а какое ещё может быть прозвище у человека с подобной фамилией?) что-то такое проснулось. Бывший милиционер был не намного старше меня, но уже на пенсии. В начале прошлого лета он заявился в редакцию:

– Жора, у тебя, я слышал, миноискатель есть, не дашь на время? – Журавель практически без предисловий перешёл к делу. – С меня простава, само собой!

Как и все неофиты, он был настроен решительно.

Сам Журавель был мужичком среднего роста, черноволосым, с резкими движениями. Говорил, что внешность ему передалась от его прадеда-грека, и, похоже, не выдумывал: резко очерченные линии лица, высокие скулы и выдающийся нос, как у персонажа фильмов про мафиози.

Тогда только-только сошёл снег. Самое время для поисков: травы ещё нет, катушка прижимается ближе к поверхности, и сигнал проникает глубже.

Журавель забрал прибор и объявился в мае – вопреки моим ожиданиям, продолжая излучать решительный настрой. На мой редакционный стол лёг позвякивающий газетный свёрток. В нём оказалось оружие: два кинжала, сломанный пополам меч с бронзовой гардой, покрытой патиной, четыре наконечника стрел и один – копьё.

Оказалось, железо – с труднодоступной горы Липовой. Журавель сплавился туда на резиновой лодке.

Находки даже на первый взгляд были интересные и относились ко времени как минимум Ермака и хана Кучума, когда на уральской земле обитали её исконные хозяева – народ манси (или вогулы). Особенно меня заинтересовал нож: обоюдоострый с двумя кровостоками клинок длиной с четверть. Он хоть и был ржавым, но без глубоких каверн.

Я сказал, что находку нужно бы показать специалистам.

Через пару недель Алексей Языков, кандидат исторических наук, сотрудник Уральского института истории и археологии ошарашил меня своим вердиктом:

– Судя по всему, это четвёртый – седьмой век, эпоха Великого переселения народов. Слыхали?

– Немного. Варвары, падение Римской империи и всё такое... А как это оружие могло оказаться на берегу Сильвы?

– Все версии только на уровне предположений. Определённо лишь то, что им владели угры. Скорее всего, это было так называемое вихревое заселение: сначала из Приуралья проникли через земли современной Башкирии в Прикамье, но, столкнувшись там с мощным противостоянием местных племён, были вынуждены отступить. Один из этих путей был водным: поднялись от Камы сначала по Чусовой, потом по её притоку – Сильве.

Но могут быть и другие варианты. Например, что это племя угров, которое возвращается в родные края из набега в составе полчищ гуннов на Европу. Внести ясность могли бы археологические раскопки на месте находки. На территории региона это первый такого рода клад оружия. Так что поздравляю!

Журавля, конечно, интересовала цена находки. Но Языков констатировал: чтобы подтвердить возраст железок, потребуются дорогие исследования вроде металлографии. И даже после них коллекционера отыскать будет сложно.

Но слова историка несколько не расстроили Журавля. Он услышал главное: клад – единственный в своём роде, оружие порядка полутора тысяч лет. Как всё это могло ничего не стоить? Что понимает в этом какой-то ботан, пусть и кандидат наук? Ещё большую надежду в товарища вселила моя статья «Оружейный клад древних угров», опубликованная в газете.

Правда, в ней я заменил название горы с Липовой на Берёзовую, так как предполагал, что после публикации сыщутся охотники порыться в фартовом месте. Этого мне сразу, уж не знаю почему, не хотелось.

Журавель же мыкался со своей находкой по различным коллекционерам и антикварам, в качестве «сертификата» подлинности предъявляя эти публикации, в которых было приведено мнение Языкова. Но газеты на такого рода людей не способны произвести впечатления, они были готовы доверять лишь своим глазам, официальным бумагам и чутью.

– Отдай ты всё в местный музей, – советовал я Журавлю. – Денег всё равно не выручишь, во всяком случае, серьёзных, а так хоть имя своё увековечишь. Создадут экспозицию, многие годы люди будут ходить, удивляться, качать головами, цокать языками... И всё благодаря кому? Николаю Журавлёву! А?

– Эх, не знаю, – Журавель терял свой предпринимательский пыл, но не сдавался.

Потом на пару месяцев он пропал: не звонил, не появлялся. Я уж было подумал, что удалось-таки продать оружие. А таится, потому что опасается, как бы делиться не пришлось – долю попрошу. Потом узнал, что Журавля убили. Лучший друг ткнул по пьянке кухонным ножом. Я в это время находился в командировке, так что и на похоронах не побывал.

Жена Журавлёва позвонила сама.

– Георгий, тут такое дело. Николай в больнице бредил, пока не отключился. Повторял всё время: «Клад Жорику отдай». Клад-то, наверное, железки, с которыми он всё носился как с писаной торбой. Так приди, забери.

Уговаривать меня не пришлось. В тот же вечер я был у вдовы. Марьяна провела меня в «кандейку» – сарайчик рядом с гаражом, где Николай оборудовал мастерскую с верстаком. На нём и было выложено оружие. Сразу бросилось в глаза, что один кинжал, больше похожий на короткий меч, Журавель всё-таки попытался переделать, но то ли не смог, то ли у него времени уже не хватило. Клинок блестел. Наждачный круг как будто полировал его, а не стачивал. Даже ржавчина кое-где сохранилась, скрытая кавернами. В составе клада не хватало одного трёхгранного наконечника стрелы, и у меча отсутствовала гарда.

Вдова не возражала против осмотра мастерской. Я порылся в выдвижных ящиках и в сундучке, где хранились инструменты, но недостающей части оружейного клада не нашёл.

– Дома в стенке есть коробка, он там разные бумаги да медали со значками держал, можно там ещё посмотреть, – предложила Журавлёва.

Мы прошли в дом.

Коробка хранила атрибуты славного милицейского прошлого старшины Журавлёва: медали за выслугу лет, удостоверения к ним, различные знаки и воинские значки ещё со срочной службы, кокарда советских времён... Взяв её в руки, чтобы поближе рассмотреть, я увидел на дне коробки небольшой камень. И замер.

Чтобы не выдать своего интереса, пришлось рассматривать и ощупывать его, не вынимая из коробки. Это был осколок мрамора размером со спичечный коробок, обработанный с

одной стороны, как будто отбили край от какой-то округлой болванки. Скол был достаточно свежим, мрамор на нём явственно белел, а вот других сторон давным-давно не касался никакой инструмент: одна – тоже, скорее всего, скол, но древний, покрытый патиной, другая – слегка выпуклая обработанная поверхность со следами рыжего металла.

Меня словно кольнуло током, едва я его коснулся. А взяв его, уже был не в силах положить обратно. Не спеша стал складывать регалии обратно, прижимая камешек большим пальцем к ладони. Покончив с этим, уже вставая, словно бы невзначай уронил коробку с дивана на пол. Содержимое рассыпалось по ковру. Вдова охнула, я тут же кинулся собирать всё обратно, успев спрятать осколок мрамора в карман брюк.

Оружейный клад Журавлёва я отнёс в музей истории Шаринского района, помог с информацией для стенда. А вот кусочек мрамора оставил себе. Не могу объяснить, почему я не отдал его историкам. С того момента, как он попал в мои руки, мне хотелось хранить и оберегать его как настоящее сокровище, никому не рассказывая о нём. Казалось, что в нём содержится какая-то невероятная и удивительная тайна.

Впрочем, тайна в нём действительно содержалась. «Рыжее» на мраморе оказалось следами позолоты – и определил я это самостоятельно (пригодился богатый опыт, полученный в 90-х). Самый простой тест йодом и ляписом: если их нанести на «золото для дураков», то оба оставляют коричневый след. На истинном золоте маркеры белели.

10 августа 2017 года

Не виделись мы с Львом Николаевичем два дня, но перемены в нём произошли заметные: за время обитания в наших провинциях москвич явно подрастерял лоск. И костюм не так величаво сидит, и с причёской уже что-то не так, а главное – взгляд уже не источал всеобъемлющего знания уверенного в себе человека. «Что же с тобой станется, если ты тут на месяц застрянешь или вообще поселишься? – не без злорадства подумал я. – Не в столице Урала – а здесь, в горах?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.